Пикуль В

21/VII-1990

Валентин ПИКУЛЬ

Вчера в Риге на Лесном кладбище множество людей провожали в последний путь любимого писателя. Умер Валентин Саввич Пикуль. Совсем небольшой срок — всего 62 года — был отпущен ему судьбой. Но каким огромным творческим насыщением, какой высокой любовью была освящена эта жизнь!

Совсем юным пришел он на фронт. Тревожные военные зори на Соловках, где формировался характер будущего моряка в школе юнг, навсегда укрепили в душе Валентина Пикуля мятежную страстность романтика. Он знал: только мужество и честь, отвага и благородство воспитают в нем личность. Он верил в это, этими высокими чертами наделял героев своих книг.

Нет равнодушных, когда звучит имя В. С. Пикуля. Кто-то беззаветно любит его книги, кто-то не принимает. Так бывает всегда, когда речь идет о значительном самобытном писателе. В. С. Пикуль заразил своих> современников страстной увлеченностью родной историей. Он прошел ее трудными тропами, исследовал — архив писателя овеян легендами — и всю ту правду, которую узнавал, старался передать современникам. Творческий потенциал писателя был неистощимым, труд — титаническим. От книги к книге он учился и совершенствовал свой творческий почерк.

Зина—дочь барабанщика

ЕСЛИ гравер делает портрет, размещая на чистых полях гравюры посторонние изображения, такие лаконичные вставки называются «заметками». В 1878 году наш знаменитый гравер Иван Пожалостин резал на стали портрет поэта Н. А. Некрасова (по оригиналу Крамского, со скрещенными на груди руками), а в «заметках» он разместил образы Белинского и... З и н ы; первого уже давно не было на свете, а второй еще предстояло жить да жить.

Не дай-то бог вам, читатель, такой жизни...

В портретной картотеке у меня заложена одна фотография, которая — и сам не знаю, почему? — всегда вызывает во мне тягостные эмоции: Зина в гробу! Ничего, конечно, похожего с той юной привлекательной женщиной, которую Пожалостин оставил для нас в своей гравюрной интерпретации. Давнее прошлое человека, отошедшего в иной мир, порою переживается столь же болезненно, как и нынешние наши невзгоды. Надеюсь, что историкам это чувство знакомо... Однако как мало было сказано об этой Зине хорошего, зато сколько мусора нанесли к ее порогу! Если бы великий поэт не встал бы однажды со смертного одра и не увел бы ее в палатку военно-походной церкви, мы бы, наверное, вообще постарались о ней забыть.

Но забывать-то как раз и нельзя. Помним же мы Полину Виардо, хотя вряд ли она была непогрешима, безжалостно вырвав талант с родных черноземов Орловщины, чтобы ради собственного тщеславия пересадить его на скудные грядки Буживаля,— но, если у нас любят посудачить об этой французской певице, то, по моему мнению, не следует забывать и нашу несчастную Зину — дочь безвестного русского барабанщика...

Некрасов провел всю жизнь среди врагов, распространявших о нем разные небылицы. Враги и завистники никогда не щадили его. Но даже любившие Некрасова не щадили ту, которая стала для поэта его последней отрадой. Пожалуй, только великий сердцевед Салтыков-Щедрин, все-знающий и все-видящий, сразу понял, что Зина появилась в доме Некрасова совсем не случайно, и он свои письма поэту заключал в самых приятных для нее выражениях:

«У Зинаиды Николаевны я целую ручки...»

ПОЧТИ с восхищением листают «донжуанский список» Пушкина, насчитывающий более ста женских имен, а вот Некрасову, кажется, не могут простить его подруг, старательно и нудно пережевывая мучительный разлад с Авдотьей Панаевой... «Я помню чудное мгновенье» — эта строка, исполненная любовных восторгов, никогда бы не могла сорваться со струн некрасовской лиры, ибо его печальная муза скорбела даже от любви:

Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой...

Какое уж тут, читатель, «чудное мгновенье»?

Правда, любить Некрасова было не так-то легко, а женщины, которых любил он, кажется, иногда его раздражали. Одна хохотала, когда ему хотелось плакать, другая рыдала, когда он бывал весел. Одни требовали денег, когда он сам не знал, как рассчитаться гонораром с авторами, а другие отвергали подарки, требуя святой и бескорыстной любви.

Можно понять и поэта — трудно иметь дело с женщинами!

Мы, читатель, со школьной скамьи заучили имя Анны Керн, а что скажут нам имена Селины Лефрен, Прасковьи Мейшен или Марии Навротиной, ставшей потом женою художника Ярошенко? Между тем они б ы л и, и были при Некрасове не как литературные дамы, желавшие поскорей напечататься в его журнале,— нет, каждая из них занимала в жизни поэта свое особое место. Но каждая свое особое место нагрела для другой и оставила его. Одни уходили просто так, разбросав на прощание платки, мокрые от слез, а одна умудрилась вывезти из имения поэта даже диван и стулья, которые, очевидно, ей срочно понадобились для возбуждения приятных воспоминаний о былой страсти...

Перелом жизни — Некрасову было уже под пятьдесят.

Скажи спасибо близорукой
Всеукрашающей любви
И с головы, с ревнивой мукой,
Волос седеющих не рви.

На этом переломе времени, столь опасного для каждого человека, и появилась Зина — дочь солдата, полкового барабанщика из Вышнего Волочка, о котором мы ничего не знаем (и вряд ли когда узнаем). В ту пору она еще не была Зиной и не имела отчества — Николаевна, а звали ее совсем иначе: Фекла Анисимовна Викторова. Думаю, она нашла не только приют в доме Некрасова, но отыскался для нее и теплый уголок в стареющем сердце поэта. А рвать седеющих волос с его головы она не собиралась...

Анна Алексеевна Буткевич, любимая сестра поэта, в преданности которой нет никаких сомнений, сразу возненавидела эту Феклу, переименованную по желанию поэта. Сестра считала, что брат слишком доверчив, идеализируя подругу, которая только притворяется влюбленной, чтобы он не забывал о ней, когда придет время составлять завещание. Анна Алексеевна Буткевич даже утверждала, что дочь барабанщика стала Зинаидою не тогда, когда появилась под кровом брата, а еще гораздо раньше.

— По секрету,— сообщала она друзьям,— имя Зины эта особа обрела еще в том доме на Офицерской улице, где принято облагораживать имена всяких там Фросек., Акулек и Матрешек...

Впрочем, уже давно (и не мною) замечено, что сестра поэта слова путного не сказала о Зиночке, а потому вопрос об Офицерской улице отпадает сам по себе. Николай Алексеевич уже прихварывал, а явная, ничем не прикрытая ненависть любимой сестры к любимой им женщине, конечно, никак не улучшала здоровье поэта. Обоюдная неприязнь женщин, одинаково дорогих для него, была мучительна. Чтобы не досаждать сестре, Некрасов еще в 1870 году, на заре своих отношений с Зиною, посвятил ей стихи, но само посвящение утаил в буквах: З—Н—Ч—К—Е.

Остались ее фотографии тех лет. Зина была девушкой стройной, румяной, веселой, благодушной и скромной, с ямочками на щеках, когда она улыбалась. С ней было легко. Сенатор А. Ф. Кони, наш знаменитый юрист, увидев однажды Зину, сразу понял, что она глубоко предана поэту, и с ней поэту всегда хорошо. Иные же писали, что внешне Зина напоминала сытенькую, довольную жизнью горничную из богатого господского дома, которую гости не прочь тронуть за подбородок, сказав в умилении:

— Везет же этим поэтам... ах, до чего же хороша!

Нет, не думала она, входящая в дом Некрасова, о его завещании, не собиралась делить наследство поэта с его сестрами и братьями. Вряд ли она, безграмотная провинциалка, даже понимала тогда, что Николай Алексеевич не только богатый человек, но еще и п о э т, имя которого известно всей великой России...

Ах, кому же из нас на Руси жить хорошо?
Некрасову хорошо никогда не было.

Работал, работал, работал — и хотел бы всегда работать!

В один из визитов А. Ф. Кони извинился перед ним, что редко навещает его — все, знаете ли, некогда, некогда, некогда.

Николай Алексеевич только рукою махнул:

— По себе знаю, что «некогда» в нашем Питере слово почти роковое: всем и всегда некогда. Оглядываясь на свое прошлое, сам вижу, что мне всегда было некогда. Некогда быть счастливым, некогда пожить душой для души, некогда нам было даже любить, и вот только умирать нам всегда время найдется...

АВДОТЬЯ Панаева в учении не нуждалась, образование же подруг поэта не беспокоило, а вот для Зины он даже нанимал учителей, водил ее в театры, Зина приохотилась к чтению его стихов, случалось, даже помогала Некрасову в чтении корректуры. Николай Алексеевич вместе с нею выезжал в свою Карабиху, там Зина амазонкою скакала на лошади по окрестным полянам, метко стреляла... Поэт уже тогда начал серьезно болеть.

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл...

Как бы Некрасов ни любил свою сестру, но ее побеждала все-таки о н а, последняя любовь поэта. «Глаза сестры сурово нежны»,— написал однажды Некрасов, но потом эту строчку исправил, и она обрела совсем иное значение: «Глаза ж е н ы сурово нежны...» Обычно сдержанный в выражении чувств, Николай Алексеевич подарил Зиночке книгу своих стихов, украсив ее словами, которыми не привык бросаться: «Милому и единственному моему другу Зине». И она заплакала, прижимая книгу к груди:

— Ой! Заслужила ль я такие слова? Неужто «единственная»?

Некрасов болел, и, болея, он утешал ее как мог:

Да не плачь украдкой! Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой...

Если бы это было правдой, что Зина досталась ему с Офицерской улицы, то вряд ли Некрасов стал бы при ней стесняться. Но он, напротив, оберегал Зину от каждого нескромного слова, и не раз так бывало, когда в застолье подвыпивших друзей начинались словесные «вольности», Николай Алексеевич сразу указывал на свою подругу, щадя ее целомудрие:

— Зинаиде Николаевне знать об этом еще рано...

Но уже открывалась страшная эпоха «Последних песен».

Некрасов страдал, и эти страдания были слишком жестоки.

Я не стану описывать всех его мук, скажу лишь, что даже легкий вес одеяла, даже прикосновение к телу сорочки были для него невыносимы, причиняя ему боль. Молодой женщине выпала роль сиделки при умирающем. Зина считала, что при каждом вздохе или стоне его она обязана немедленно являться к нему, и она — являлась! Но... к а к? Зина даже п е л а.

«Чтобы ободрить его,— вспоминала она потом,— веселые песенки напеваю. Душа от жалости разрывается, а сдерживаю себя, пою да пою.. Целых два года спокойного даже сна не имела». Это верно: сна Зина не имела, а, чтобы не уснуть, она ставила на пол зажженную свечу, становилась перед ней на колени и, упорно глядя на пламя свечи, не позволяла себе уснуть...

Вот когда родились эти трагические строки Некрасова:

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются.
Двести уж дней,
Двести ночей.
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина, закрой утомленные очи.
Зина! У с н и...

Но уснуть она не могла. Ей было 19 лет, когда поэт ввел ее в свой дом, а сейчас она стала выглядеть изможденной старухой. Потом сама же и рассказывала племяннице: «Мне казалось, что все это время я нахожусь в каком-то полусне...» Впрочем, о Некрасове заботилась и сестра поэта, соперничая с Зиной в своем беспредельном внимании к больному. Анна Алексеевна, ревниво делившая с Зиною страшные бессонные ночи, кажется, заодно и следила — как бы ее брат не завещал Зине свое ярославское имение Карабиху! Николай Алексеевич, наверное, и сам уже догадывался, как сложится судьба Зины, если его не станет...

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей.
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей.

— Пошлите за Унковским,— наказал Некрасов лакею...

ВЕСНОЙ 1877 года (это была его последняя весна) Некрасов решил освятить свой гражданский брак с Зиною церковным обрядом. Но, прикованный к постели, поэт уже не мог подняться, чтобы предстать перед аналоем в церкви. Друзья поэта сыскали священника, который (естественно, не бесплатно) взялся было венчать Некрасова дома. Об этом по секрету узнал Глеб Успенский, у которого секреты долго не держались, и священник, испугавшись слухов, венчать поэта с Зиною отказался:

— Я же место хорошее потеряю, бог с вами со всеми... Вы тут наблудили в беззаконном браке, а я и отвечай за вас.

Алексей Михайлович Унковский, приятель Некрасова, появился вовремя. Это был образованный юрист, общественный деятель, человек умный и тонкий, о котором, жаль, у нас редко вспоминают. Выслушав поэта, он проникся его благородным желанием и сразу же навестил столичного митрополита Исидора (Никольского). Два умных человека одинаково сочувствовали поэту, но...

Фото В. Шестопалова.

Навсегда останутся с нами книги Валентина Пикуля — «Океанский патруль», «Баязет», «Париж на три часа», «Реквием каравану PQ-17», «Крейсера», «Моонзунд», «Слово и дело», «Битва железных канцлеров», «Нечистая сила», «Три возраста Окини-сан», «Фаворит», «Честь имею», «Каторга»... Незавершенным на столе писателя остался роман «Сталинград».

Окидывая взглядом творческое наследие В. С. Пикуля, мы неизменно уходим в воспоминания, и в памяти встают его исторические миниатюры «Из старой шкатулки». Какую удивительную галерею лиц оживил в нашем воображении писатель, какие трепетные и глубокие краски нашел, чтобы ожили прекрасные люди, носители неповторимых черт русского национального характера, согревающие нас преданностью и нежностью, высокими помыслами и чистотой тонких чувствительных душ. Свою последнюю новеллу Валентин Саввич завершил две недели назад. Он намеревался опубликовать ее в альманахе «Русская старина» — издании литературного товарищества «Возрождение». Альманах выйдет в свет в этом году. Его главный редактор С. И. Журавлев предложил читателям нашей газеты познакомиться с последней новеллой писателя.

Последняя новелла

— Законы церковные да останутся нерушимы,— сказал Исидор.— И как бы я ни уважал Николая Алексеевича, как бы ни сочувствовал его желаниям, уставы церковные дозволяют венчание только в церкви... Так что, не обессудьте, Алексей Михайлыч.

— Ваше высокопреосвященство, как же быть в этом случае, если больной прикован к постели, а желание его благородно?

— Увы! — отвечал Исидор, хитро прищурившись.— Мы же не военные. Это у военного духовенства все просто: где ни поставил палатку походной церкви, там и венчай... все у них законно!

Спасибо митрополиту — он намек сделал, а Унковский намек понял и с благоговением приложился к руке Исидора:

— Благодарю за мудрый отказ, ваше высокопреосвященство...

Военные духовники венчать поэта согласились:

— Вам бы надо было сразу к нам обратиться...

4 апреля в самой большой комнате квартиры поэта был раскинут шатер военно-полевой церкви, как на боевом фронте. Некрасов, истомленный болями, поднялся с постели, ставшей для него смертным одром,— босой, в одной нижней рубашке, которая, дабы облегчить его страдания, была разрезана ножницами на длинные ленты. Он был уже так слаб, что его поддерживали под руки, поэт трижды обошел с Зиною вокруг церковного аналоя. «Веселые свадебные песни, сулившие ему долгие годы супружеского и отцовского счастья, звучали для всех панихидой».

— Теперь, Зина, за тебя я спокоен,— сказал он ж е н е.

— Век не забуду! — разрыдалась Зинаида Николаевна...

Вскоре Некрасов и скончался.

«Только в день похорон его,— говорила потом Зина,— поняла я, что сделал он для общества, для народа; видя общее сочувствие и внимание, начала я задумываться,— чем он такую любовь заслужил?..» Похороны поэта превратились в демонстрацию студенчества, и в толпе молодежи шла за гробом Зина, а впереди ее ожидали долгие с о р о к лет одиночества.

— Мне,— сказала ей Буткевич, сестра покойного,— не совсем-то приятно, что мой брат объявил тебя наследницей посмертного издания его «Последних песен»... Не сердись за откровенность, милочка, но что ты понимаешь в поэзии?

— Наверное, ничего,— согласилась Зина...

Только напрасно злые люди решили, что она проникла к поэту едино лишь ради корысти. Зинаида Николаевна вскоре же и доказала, что корыстных умыслов у нее никогда не было.

Право переиздания стихов своего покойного мужа она сразу уступила сестре его — той же Анне Алексеевне Буткевич.

Право на владение чудовским имением Зина уступила опять-таки той же Анне Алексеевне Буткевич.

А сама осталась ни с чем и она... и с ч е з л а.

...Россия жила своей шумливою бурной жизнью, никогда не забывая своего народного поэта, но зато в России очень скоро забыли его верную подругу — Зину, дочь барабанщика. А коли забыли, так о ней теперь можно говорить что хочешь. Появились мемуары, в которых она предстала в искаженном свете, как особа хитрая и безграмотная, чуть ли не насильно водившая Некрасова вокруг аналоя, чтобы сделаться мадам Некрасовой и получить от поэта немалое наследство... Пожалуй, один только сенатор А. Ф. Кони, глубоко почитавший поэта, не терпел подобных мещанских отзывов о вдове поэта, в своих выступлениях он постоянно призывал уважать память о Зинаиде Николаевне:

— Ее уж нет среди нас, и потому она не может возвысить голос в защиту своей женской чести, потому, дамы и господа, призываю уважать эту женщину, достойную нашего уважения...

Кони ошибался, как ошибались и другие: Зина была жива.

ШЛИ годы. Позже выяснилось, что Зина Некрасова поселилась в Москве, где готовилась в послушницы Новодевичьего монастыря, но... передумала. Конечно, в доме поэта она жила, как у Христа за пазухой, сытая и одетая, о деньгах не помышляя, а теперь следовало полагаться лишь на себя. Кое-какие сбережения у нее, правда что, были. И начался период очень странных метаний женщины по стране — зигзагами молний, всегда загадочных и не всегда объяснимых. Зина вдруг объявилась на Кавказе, потом исчезла надолго, но ее как будто видели в Киеве, кто-то узнал ее в Одессе, а затем она снова пропала для всех и, кажется, уже навсегда — была и не стало!

Россия вступала в XX век. Читатель, это уже наше время...

Николай Михайлович Архангельский, наш современник, умер в 1941 году (исторически только «вчера»). Это был типичный русский интеллигент, в ту пору он редактировал «Саратовский листок». Однажды в доме на Костромской улице (ныне улица Сакко и Ванцетти, которые к Саратову притянуты за уши), где Архангельский жил и работал, его посетил репортер городской хроники, уснащавший газетные скрижали сведениями о пожарах, драках, воровстве и скандалах в трактирах,— все знал человек!

— А в баптистской-то общине Саратова опять свара великая,— сообщил он редактору.— Свиней режут, в колбасы сало пихают, живут — кум королю, а тут старуха одна, так они ее под конец обчистили... До копейки все выманили да еще в церкви ее «оглашенной» объявили. Старуха-то на паперти... плачет!

Архангельский оторвался от чтения типографских гранок.

— Какая старуха? — спросил он рассеянно.

— Обыкновенная. По фамилии Некрасова, а зовут будто Зинаидой, живет на отшибе города на Малой Царицынской. Уже старая. Одинокая, как перст. Побирается. Кто что подаст!

Архангельский призадумался, вслух размышляя: «Зинаида, Зина да еще Некрасова... Конечно, Некрасовых на святой Руси великое множество, но... Зина? Возможно и совпадение, да-с!»

— Вот что,— решил Архангельский.— Едем. Навестим.

— Старуху-то? Так она никого не принимает. Двери у нее на крючок, и через дверь просит всех оставить ее в покое.

— А вдруг это... о н а?

— Кто? — удивился репортер.

— Та самая, которой поэт писал: «Зина, закрой утомленные очи...» А вдруг да она? Бери свою шляпу — поехали.

Приехали на Царицынскую, отыскали лачугу в три окошка, долго в дверь барабанили. Старуха действительно оказалась жалкой, но ее нищенская комнатенка удивляла опрятностью.

— Да, это я...— созналась Зинаида Николаевна, ощутив доброе расположение редактора.— А не пускаю к себе никого, живу взаперти, чтобы, не дай-то бог, не проведали в городе, кто я такая... К чему все это? Скоро уже сорок лет как живу без него, а скоро, даст бог, в ином мире и встретимся. То-то радость для меня будет, да и Николай Алексеевич, чай, мне обрадуется.

Архангельский уяснил главное: саратовские баптисты, сплошь местные свиноторговцы, каким-то образом пронюхали, что в городе проживает вдова Некрасова, заманили ее в свою общину, суля блага всяческие, уход и заботу о ней, о старухе, а сами выманили у нее все деньги, которые она берегла «на черный день».

— Вот и стала я нищей,— сказала Зинаида Николаевна.

— Вы хоть расписки-то с них брали?

— Зачем? Я ведь на слово людям верить привыкла.

— Выходит, так вот и отдали все самое последнее?

— Да как не дать? Ведь просили-то во имя божие...

Я, читатель, не желаю порочить всех баптистов подряд, пусть они живут и молятся далее, но факт остается фактом: саратовские свиноторговцы, сплошь состоявшие в секте баптистов, действительно ограбили вдову поэта, зато отстроили новые свинарники, а колбасы в их мясных лавках сразу стали жирнее и дороже.

Архангельский, засев за стол редактора, был обозлен:

— Мы этого дела так не оставим... пусть все знают!

«Саратовский листок» оповестил горожан о том, как подло поступили «свинячьи души» с забытой всеми вдовою великого русского поэта. Николай Михайлович на этом не успокоился, его корреспонденции о бедствиях г-жи З. Н. Некрасовой обошли все газеты Москвы и Петербурга, русский читатель был поражен:

— А мы-то и не знали, что «Зина» еще жива... надо же, а? Стихи о ней наизусть помним, а она... столько лет молчала!

Весь гнев саратовских баптистов обрушился на голову Зинаиды Николаевны: ее обвинили в том, что, богохульствуя в газетах, она отступилась от истинной веры, сделали ее «оглашенной», чтобы впредь не смела в храм ногою ступать, а молилась только на паперти, как великая грешница. Мало того, обещали ее «простить», ежели не станет денег своих обратно требовать, а один колбасник, давно ей должный, даже такое сказал:

— Ты, старая, на меня не жмурься — я тебе ни копейки назад не верну. Но, ежели хошь, возьму тебя в лавку, чтобы колбасу резала... Кому фунт, кому полфунта... Не хошь? Ну и не надо... Просить да кланяться тебе не стану. Без тебя обойдемся...

Дело дошло до Государственной Думы, и кто-то из думцев (я не выяснил — кто?) доложил Л. А. Кассо, что он, как министр народного просвещения, должен бы вмешаться — в Саратове голодает, нищенствуя, вдова великого русского поэта.

— Помилуйте! — отвечал Кассо, поигрывая шнурком от пенсне.— У нас тут все государство трещит, а вы мне о какой-то вдове поэта... Это уже история, батенька вы мой!

Архангельский обратился к саратовской общественности, чтобы помогла старухе, и помощь пришла именно со стороны местных интеллигентов. В один из дней Николай Михайлович застал Некрасову просветленной, она раскрыла перед ним книгу стихов Некрасова с дарственной надписью от 12 февраля 1874 года:

— Все пропало, а вот это в гроб мне положат. Видите, как тут написано? «Милой и единственной...» Сподобил меня господь остаться для него последней и единственной.

Хлопотами Архангельского старуха была причислена к «литературному цеху», и он поздравил ее с тем, что отныне она станет получать от Литфонда пособие — по 50 рублей в месяц.

— Ой, вот спасибо, вот спасибо,— говорила старуха.

Доброта — это было, кажется, главное, чем она жила Николай Михайлович вскоре же известился, что из этого скромного пособия от Литфонда она уделяет немалую толику для тех людей, что ее беднее. В 1911 году вдову поэта навестил Корней Чуковский, еще молодой и обаятельный,, входивший в большую славу:

— Вот приехал в Саратов, дабы вас повидать...

Но Зинаида Николаевна незнакомых журналистов остерегалась и сразу замкнулась. Очевидно, франтоватый Чуковский ей даже не понравился, она отвечала ему односложно, даже с некоторым подозрением, и, наверное, Зинаида Некрасова тоже не понравилась Корнею Ивановичу, который тогда же сложил впечатление, для вдовы поэта не совсем-то лестное, как о женщине недалекой и ограниченной, случайно ставшей подругой поэта.

Но летом 1914 года ее навестил Владислав Евгеньев-Максимов, будущий профессор, наш знаменитый некрасовед...

Вот с ним Зинаида Николаевна разговорилась.

— Жить было можно,— записывал он ее рассказ.— Да я ведь все, что у меня было, сама и раздала. Просят. То один, то другой, как откажешь? Моложе была, так еще работала. А теперь вот пособим живу... Я в свою скорлупу, как улитка какая, забилась,— живу тихонько. Никого и не вижу. Бог с ними, с людьми-то. Много мне от них нехорошего вытерпеть довелось. Уж сколько лет прошло, а раны-то в душе не заживают... Если б не добрый Николай Михайлыч, что в газете служит, так Христовым бы именем на паперти побиралась...

Евгеньев-Максимов, к великому своему ужасу, обнаружил, что никаких некрасовских реликвий уже не осталось.

— Что и было, так все растащили,— сказала старуха...

В январе 1915 года она скончалась и, приобщенная к великому «цеху литераторов», успокоилась между могил писателей — Чернышевского и Каронина-Петропавловского. На кладбище все зарыдали в один голос, когда над раскрытой могилой раздались слова:

Зина, закрой утомленные очи...
Зина! У с н и...

Время затоптало ее могилу, ни ограды, ни памятника там не было. Только в недавнее время нашлись добрые люди, оградили место ее вечного успокоения и поставили над могилою памятный обелиск с портретом. Некрасовская Зина снова смотрит на нас — молодая, пленительная, словно сошедшая с той самой «заметки», что оставлена Пожалостиным на широких полях гравюрного портрета Некрасова...

Спи спокойно, наша Зина! Мы тебя не забыли.

И не скажем о тебе слова дурного... С п и.